

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.94.102>

СВЕДЕНИЯ О ЗАСЕЧНОЙ ЛИНИИ АСТРАХАНСКОГО ПОНИЗОВЬЯ (ИЗ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2023г. Е.М. Пигарёв

В статье рассматриваются мероприятия Московского правительства, направленные на обеспечение охраны южных границ государства, расположенных в низовьях Волги. Приведенный анализ письменных источников показывает масштаб проведенных работ по созданию в XVI – XVIII вв. оборонительных объектов, включенных в общегосударственную Засечную черту, защищающую земли Царства Русского от набегов кочевников. Приводится список и краткая характеристика построенных в Астраханском Поволжье военных крепостей, таких как астраханский кремль, Четырехбугоринская крепость, Царицынская, Черноярская и Красноярская крепости. Дается описание результатов исследований крепости Селитряного городка – единственного военно-промышленного объекта XVIII в., подвергнутого археологическому изучению.

Ключевые слова: археология, Астраханское Понизовье, Засечная черта, военные крепости, сторожевой городок, стрелецкий пост, селитряный завод.

INFORMATION ABOUT THE ZASECHNAYA LINE IN THE LOWER PART OF THE VOLGA IN THE ASTRAKHAN REGION (FROM ARCHIVAL SOURCES AND MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES)

E.M. Pigarev

The article considers the Moscow government activities aimed at ensuring the protection of the southern borders of the state, located in the lower part of the Volga River. The given analysis of written sources shows the scale of the works on creation of defensive objects in the XVI – XVIII centuries, included in the state Zasechnaya line, protecting the lands of the Tsardom of Russia from the raids of nomads. A list and a brief description of military fortresses built in the Astrakhan Volga region, such as the Astrakhan Kremlin, the Chetyryohbugorinskoye fortress, Tsaritsyn, Chyorny Yar and Krasny Yar fortresses are given. The author describes the results of studies of the Selitryany town fortress – the only military-industrial facility of the XVIII century, subjected to archaeological study.

Keywords: archaeology, Lower part of the Astrakhan Volga region, Zasechnaya line, military fortresses, watchtown, sentry post, saltpeter plant.

Введение

На сегодняшний день история кочевников Алтая в эпоху Великого переселения народов известна, главным образом, по материалам раскопок погребальных памятников булан-кобинской культуры, осуществленным в конце XX – начале XXI вв. разными научными учреждениями Сибири. Одним из результатов имеющегося опыта научных изысканий стало представление о сложных этносоциальных процессах, происходивших на данной территории во второй четверти I тыс. н.э., что в значительной степени было обусловлено фактором военно-политической активности держав центрально-азиатских номадов,

прежде всего сяньби и жужаней. Отражением данной ситуации можно считать проживание на Алтае носителей нескольких традиций погребальной практики с разнообразной материальной культурой, гетерогенный антропологический облик макро и микрогрупп населения, а также свидетельства вооруженного насилия с использованием летального оружия (Серегин, Матренин, 2016, с. 147–165; Чикишева, Поздняков, 2000; Тур, Матренин, Соенов, 2018; и др.).

Одной из проблем в интерпретации имеющихся источников остается выделение общих, особенных и единичных признаков погребального обряда женской части популя-

Рис. 1. Селитренное городище. Развалины крепости
(гравюра художника Череева экспедиции И.Б. Ауэрбаха, 1854 г.).

Fig. 1. Saltpeter settlement. The ruins of the fortress
(an engraving by the artist Cheredeev of the I.B. Auerbach expedition, 1854).

ции булан-кобинской культуры в жужанское время (вторая половина IV – первая половина V вв. н.э.). Это связано, главным образом, с малочисленностью исследованных в регионе женских захоронений, относящихся к обозначенному периоду (Серегин, Матренин, 2020, с. 24). Приходится констатировать, что среди более 130 раскопанных на Алтае погребений второй половины IV – первой половины V вв. н.э. в составе одиннадцати некрополей остатки женщин уверенно идентифицированы лишь в 24 объектах, из которых полноценно введена в научный оборот только половина (Гаврилова, 1965, с. 54; Соенов, Эбель, 1992, рис. 25–27; Соенов, 2000, с. 1–3, 6, 7, 10; Бобров, Васютин А.С., Васютин, С.А., 2003, с. 174; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 151, 155; Серегин и др., 2019).

Обозначенные обстоятельства определяют важность проведения целенаправленных полевых исследований и осуществления полноценной публикации новых материалов жужанского времени. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот сведений об одном из женских погребений, раскопанных в составе некрополя Чобурак-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда (рис. 1). В процессе археологических работ на обозначенном памятнике Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь булан-кобинской культуры (Серегин и др., 2019; и др.). Он состоял из двенадцати курганов, компактно локализованных между самыми крупными погребальными сооружениями, относящимися к периоду энеолита и раннескифскому времени. Все насыпи, содержавшие женские могилы (курганы №32а, 33, 34), входили в состав одной цепочки, включавшей, кроме того, погребение ребенка (курган №29), подростка (курган №29а) и мужчины (курган №32). Представим подробную характеристику захоронения из кургана №32а с акцентом на ключевые характеристики данного объекта, важные для его культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации.

Курган №32а имел плоскую каменную насыпь, до раскопок практически не выделяв-

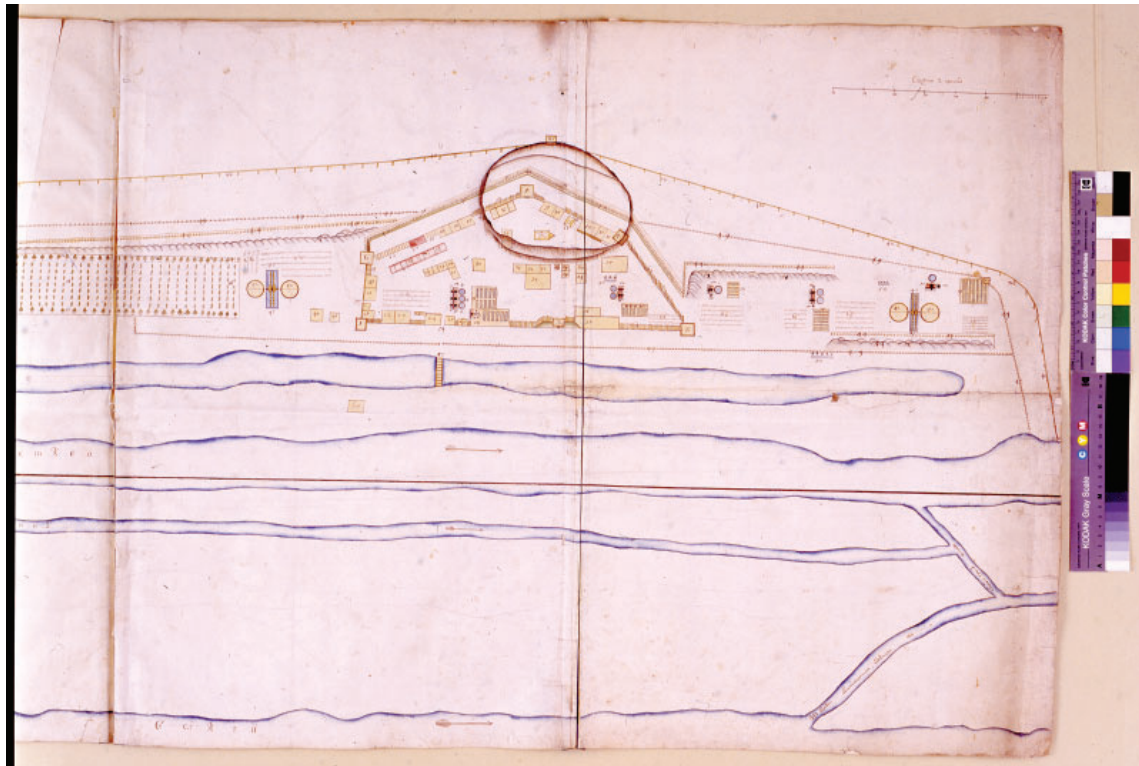

Рис. 2. План крепости Селитряного городка (по:Е.В. Гусарова, 2009).

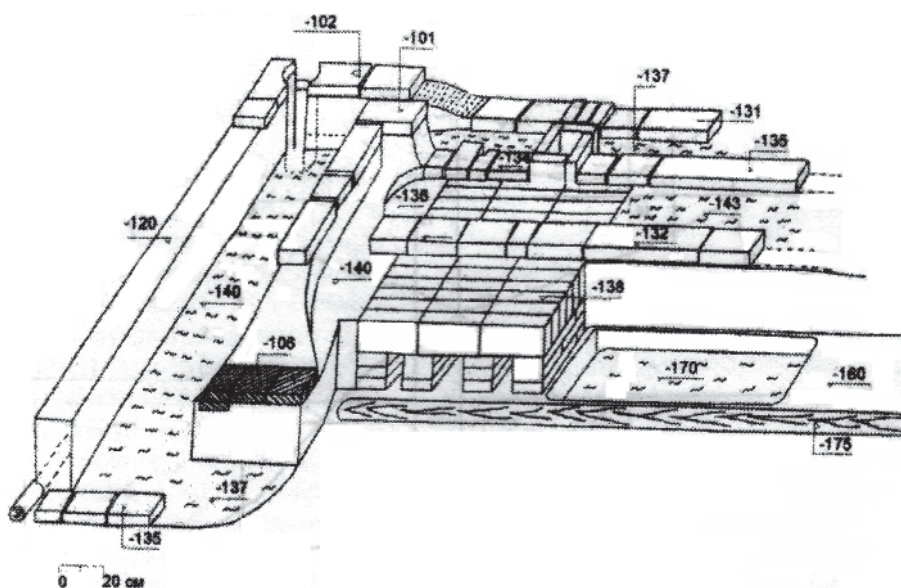
Fig. 2. The plan of the fortress of the Saltpetre town (according to: E.V. Gusarova, 2009).

шуюся на современной поверхности. Установлено, что это была наброска овальной формы размерами 5,56×3,84 м (высотой до 0,4 м), с более крупными камнями по внешнему контуру, которые образовывали крепиду (рис. 2: А). В границах данной выкладки располагалась могильная яма овально-вытянутой формы длиной 4,34 м и шириной 1,4–1,65 м, ориентированная продольной осью по линии юго-восток – северо-запад. В процессе выборки ямы выявлена достаточно плотная структура грунта, в котором встречались массивные гальки и рваные камни. По мере увеличения глубины могила сокращалась в размерах уступами и достигла на уровне дна длины 3,76 м, ширины 0,8–1,18 м.

В северо-западной половине ямы, на ее дне (показатель глубины 0,96–1 м от уровня древнего горизонта) расчищен скелет женщины 40–50 лет¹ в анатомическом порядке (рис. 2: Б). Умершая была уложена на спину со слегка согнутыми ногами, головой на северо-запад. Левая рука покойной размещалась прямо, правая была немного согнута в локте. Голова умершей женщины была повернута на левую сторону. Возле правого плеча выявлены остатки ритуальной мясной пищи в виде костей

мелкого рогатого скота (овцы). С покойной обнаружен разнообразный набор изделий. За головой погребенной зафиксированы фрагменты одной большой (рис. 3: 1) и пяти малых (рис. 3: 4–8) нашивных пластин из цветного металла, а также каменное пряслице с солярным орнаментом (рис. 3: 13). Под черепом лежали две серьги из цветного металла разной формы (рис. 3: 2, 3). В области тазовых костей выявлены сильно корродированные железные элементы пояса: пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и щитком-полуобоймой плохой сохранности (рис. 3: 14), три бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 3: 10, 12, 19), две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (рис. 3: 16, 17), фрагмент крепления в виде кольца (рис. 3: 11). Под правым крылом таза лежала подвеска из зуба марала (рис. 3: 9), а у левого бедра – железное шило (рис. 3: 15). Обломки железных изделий, не поддающихся функциональной атрибуции, зафиксированы среди ребер (рис. 3: 18, 22) и возле левой ноги (рис. 3: 20–21).

В юго-восточной половине могилы, в «ногах» умершей женщины, на глубине 0,78–0,98 м от уровня древнего горизонта располагалось сопроводительное захоронение

Рис.3. Селитренное городище. Остатки производственной конструкции.

Fig.3. Saltpetre settlement. Remnants of the production structure.

верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми конечностями и обращенного головой в одну сторону с человеком, т.е. на северо-запад. В разных частях скелета животного зафиксированы предметы снаряжения. В зубах находились железные удила (рис. 4: 2), за черепом – железная уздечная пряжка с подвижным язычком и щитком (рис. 4: 1), возле нижней челюсти – железные тренчик (рис. 4: 4) и пластина (рис. 4: 6), среди ребер – железная накладка (рис. 4: 5), а под костями задних ног – костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком (рис. 4: 3). За спиной лошади обнаружены достаточно полно сохранившиеся фрагменты костяных (роговых) кантов от двух седельных луков (рис. 4: 7, 8).

Анализ материалов

Рассматриваемый объект, как и другие исследованные на памятнике Чобурак-I погребения взрослых людей булан-кобинской культуры, был совершен по нормам обрядности дялянской традиции. Ее ключевыми признаками являются небольшая каменная насыпь с овальной крепидой, неглубокая, узкая и длинная яма, труположение человека вытянуто на спине с ориентировкой головой в западном направлении, сопроводительное захоронение лошади в «ногах» или поверх умершего (Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162).

В публикуемом закрытом комплексе был обнаружен весьма разнообразный сопроводительный инвентарь, включавший как широко распространенные, так и достаточно редкие

типы изделий. Многие из находок являются информативными для определения хронологии погребения и осуществления социальной интерпретации рассматриваемого объекта.

Среди украшений показательной является хорошо сохранившаяся серьга, имеющая сомкнутое овальное кольцо и выделенное основание в форме цилиндрической спирали (рис. 3: 2). Еще одно такое изделие представлено фрагментом (рис. 3: 3). Серьги рассматриваемой конструкции выступают одним из индикаторов предметного комплекса из объектов заключительного этапа (вторая половина IV – V в. н.э.) булан-кобинской культуры и зафиксированы в процессе раскопок некрополей Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II (Соенов, 2000, рис. 7: 9; Тетерин, 2005, рис. 2: 29). По мнению некоторых исследователей, поздние образцы подобных экземпляров могут датироваться в рамках V – первой половины VI в. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 57). Ближайшие аналогии им обнаружены в памятниках Верхнего Приобья и Восточного Казахстана эпохи Великого переселения народов (Грязнов, 1956, табл. XLV: 11, 25–27; Арсланова, 1975, табл. II: 11).

Головной убор женщины из кургана №32а был декорирован большой нашивной пластиной из цветного металла, которая представляла собой полосу, согнутую в низкую дугу и орнаментированную рядами точечного рельефного узора (рис. 3: 1). Судя по имеющимся археологическим материалам, подобные изделия использовались населением булан-кобинской культуры в III–V вв. н.э. для декорирования

повязок-диадем (венцов, полувенцов), либо в качестве обкладок (очелий) накидок (Соенов, 2000, рис. 2: 9; Худяков, 2014, с. 111–112; Самашев, 2018, рис. 34; Трифанова, Соенов, 2019, с. 34, рис. 6: 4, 5, 8; 7: 8, 10, 14).

Бронзовые пластины-нашивки в виде прямых узких полос с абрисом вытянуто-прямоугольной формы представлены пятью экземплярами, три из которых декорированы точечным узором (рис. 3: 4–8). Установлено, что данные украшения в могиле лежали перпендикулярно относительно ранее рассмотренной большой пластины. Похожие нашивные элементы головных уборов обнаружены на Алтае в погребальных комплексах Улуг-Чолтух-I (курган №29) и Верх-Уймон (курган №27) (Соенов, 2000, рис. 2: 1–3; Худяков, 2014, рис. 5: 8–10). Украшения рассматриваемого типа предварительно представляется возможным датировать в рамках середины III – V вв. н.э.

Подвеска из зуба марала со сквозным отверстием для тканевого шнура или ремешка (рис. 3: 9), найденная под тазовыми костями (изделие, вероятно, помещалось в сумочку, либо подвешивалось к поясу), имеет аналогии в материалах булан-кобинских комплексов II–V вв. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 53, рис. 25).

В состав уздечных принадлежностей из кургана №32а входили железные удила с крюковым соединением грызл и петельчатыми окончаниями округлой формы без псалиев, снабженные петлями вытянуто-овальной формы (рис. 4: 2). Удила данной конструкции демонстрируют линию эволюции узды с раннесяньбийского периода (конец I – начало III вв. н.э.) (Мамадаков, 1990, с. 104; Яремчук, 2005, рис. 107: 3; 110: 6, 8, 9; 111: 3, 5; 113: 3; Борисенко, Худяков, Юй Су-Хуа, 2006). На Алтае точные аналогии таким изделиям происходят из погребальных комплексов второй половины IV – первой половины V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 110; табл. 30: 7, 9; 31: 1, 2).

Найденная в кургане №32а железная уздечная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на основании овальной рамки, соединенной с подвижным щитком-полуобоймой (рис. 4: 1), имеет аналогии среди уздечных гарнитур из погребений жужанского времени (Тетерин, 1995, рис. 43–45). При этом по своему облику она близка к поясным пряж-

кам, получившим распространение в конце II – III вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–47).

Тренчик уздечного ремня, сделанный из несомкнутой полуобоймы (рис. 4: 3), своим обликом напоминает металлические зажимные бляхи-скобы, использовавшиеся «булан-кобинцами» в IV–V вв. н.э. для декорирования поясных и уздечных ремней (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 82–83; табл. 19: 3–8; 22: 15–22).

Костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на вставной костяной вертлюге в основании рамки арочной формы с щитком, выделенным от рамки и фиксирующимся к ремню с помощью прорези, соединенной с отверстием для свободного конца ремня (рис. 4: 3), относится к модификациям седельных застёжек, получивших широкое распространение у населения Алтая под влиянием материальной культуры сяньби не ранее второй половины III – начала IV вв. н.э. Данные изделия выступают одним из маркеров снаряжения «булан-кобинцев» жужанского периода (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 116–117, рис. 109: 6).

В кургане №32а найдены хорошо сохранившиеся костяные (роговые) окантовки от двух лук седла (рис. 4: 7, 8). Такие предметы представляют собой исключительно редкую категорию конского снаряжения из памятников кочевников Центральной Азии. На сегодняшний день наиболее ранние свидетельства использования седел с кантами по верхнему торцу лук известны у поздних сяньби Северного Китая в IV в. н.э. Среди хорошо сохранившихся окантовок следует упомянуть широко известное седло из могильника Шиэртай в Чаояне, у которого по внешнему торцу лук шла бронзовая П-образная в сечении полоса, прижимавшая края наружной и внутренней металлических накладок и закреплявшая их на луке (Степанова, 2015, с. 411, илл. 5). Судя по всему, более близкой аналогией является «жесткое» седло из скального погребения жужанского времени в Монгольском Алтае (Урд улаан унээт), на котором просматривается костяная (роговая) окантовка торца передней и задней лук (Серегин, Матренин, Идэрхангай, 2020: рис. 2).

Снаряжение женщины из кургана №32а включало относительно немногочисленные железные предметы, фиксировавшиеся к поясному ремню. Установлено, что пряжка,

оснащенная подвижным язычком, овальной рамкой и щитком в виде пластины-полуобоймы (рис. 3: 14), относится к модификациям, использовавшимся кочевниками Алтая во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–48). Бляха-накладка из рассматриваемого погребения, выполненная из одной слегка изогнутой пластины прямоугольной в плане формы со шпильковым креплением (рис. 3: 19), принадлежит к числу гарнитур, получивших распространение в регионе под влиянием традиций материальной культуры сяньби во второй половине II – начале III в. н.э. и широко применявшихся до V в. н.э. включительно (Матренин, 2017, с. 62, 72; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 88; Серегин и др., 2022, с. 68–69). Две бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 3: 16, 17) являются хронологически показательным элементом поясов населения Алтая и других народов Северной и Центральной Азии во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 74–75).

Орудия труда представлены в инвентаре женского захоронения кургана №32 комплекса Чобурак-I единичными изделиями. Среди них особого внимания заслуживает каменное дисковидное пряслице со сквозным отверстием в центре, имеющее на одной стороне резной орнамент в виде окружности с расходящимися от нее шестнадцатью «лучами» (рис. 3: 13). Наиболее близкие по оформлению предметы обнаружены на Алтае в захоронениях развитого (Булан-Кобы-IV, погребение №12) и позднего (Верх-Уймон, курган №27) этапов булан-кобинской культуры (Мамадаков, 1990, рис. 18: 2; Соенов, 2000, рис. 2: 7). Актуальными для хронологической атрибуции являются пряслица с похожим узором, обнаруженные в археологических памятниках Верхнего Приобья IV–V вв. н.э. (Грязнов, 1956, табл. XXXIII: 14–16). Шило в виде обломанного железного стержня с квадратным поперечным сечением (рис. 3: 15) имеет аналогии преимущественно в мужских погребениях населения Алтая II–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38: 4, 6–7; Серегин и др., 2022, с. 92–93; и др.).

Обсуждение результатов

Проанализированный комплекс предметов сопроводительного инвентаря с учетом нижней границы появления наиболее поздних изделий дает основания для датировки кургана №32а памятника Чобурак-I в

рамках середины – второй половины IV в. н.э. Это заключение в целом согласуется с результатами хронологической интерпретации других погребений рассматриваемого некрополя булан-кобинской культуры.

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок кургана №32а, а также других объектов могильника булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I, по совокупности признаков обнаруживает высокую степень сходства с комплексом предтюркского времени Дялян, который расположен также в Северном Алтае (Тетерин, 1991; Митько, 2019). Особенностью обозначенных некрополей являлось наличие в могилах всех мужчин и женщин захоронения лошади в юго-восточной части «длинной» ямы, а также отсутствие погребений взрослых людей, совершенных по другому ритуалу. Данное наблюдение можно рассматривать в качестве свидетельства монолитности носителей дялянской традиции обрядовой практики, хоронивших на некрополях Дялян и Чобурак-I, состоявших, вероятно, из кровных родственников.

Исторические судьбы рассматриваемой локальной группы населения булан-кобинской культуры были тесно связаны с Жужанским каганатом. Судя по имеющимся археологическим материалам, во второй половине IV – начале V в. н.э. носители дялянской традиции обрядовой практики стали местной элитой общества кочевников Северного Алтая (Серегин, Матренин, 2020). После ослабления жужаней и образования в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата «дялянцы» оказались вовлечены в миграционный поток в западном направлении, отражением которого можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточноевропейских степях могил с лошадьё и отдельными частями ее туши, уложенными в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенными в ногах покойных на разном уровне (Митько, 2018, с. 38). Вероятно, еще одна линия истории была связана с переселением носителей дялянской традиции в северные предгорья Алтая, что в итоге привело к формированию одного из компонентов, принявшего участие в генезисе сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (Уманский, 1970, с. 50–63; Горбунов, 2020, с. 31–33).

В рамках обсуждения специфики женского захоронения из кургана №32а памятника

Чобурак-I следует отметить такую редкую деталь, как ритуальная мясная пища, зафиксированная в виде многочисленных костей овцы (пояснично-крестцовая часть скелета, лопатки, ребра). Не исключено, что куски мяса были помещены на деревянное блюдо. В материалах рассматриваемого некрополя документированы еще три случая обнаружения ритуальной пищи на кости в виде отдельных позвонков мелкого рогатого скота, которые происходят только из мужских захоронений. Сравнительное изучение результатов раскопок комплексов булан-кобинской культуры Алтая показывает, что мясная пища на кости зафиксирована в 30% мужских, 21% женских, 14% детских и подростковых захоронений (Серегин, Матренин, 2020, с. 34). При этом отсутствие таких свидетельств у большинства групп населения Северного Алтая во II–V вв. н.э. было нормой погребальной обрядности (Серегин, Матренин, 2016, с. 69).

Анализ материалов из кургана №32а памятника Чобурак-I позволяет сделать ряд наблюдений относительно прижизненного социального статуса погребенной. Судя по результатам антропологических определений, покойная имела возраст 40–50 лет и являлась самой «взрослой» среди женщин из рассматриваемого могильника. По качественному составу зафиксированных вещевых комплексов данное захоронение выбивалось из «социального стандарта» женского инвентаря кочевников булан-кобинской культуры эпохи Великого переселения народов, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и небольших металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду (Серегин, Матренин, 2020, с. 72). Важно подчеркнуть, что с женщиной из кургана №32а были найдены комплект «престижных» нашивных украшений головного убора в виде бронзовых пластин, снаряжение верхового коня (удила, уздечная и седельная пряжка, тренчик ремня, два седельных канта), а также другие изделия (две серьги, подвески из зуба марала, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменное пряслице, шило), которые демонстрируют довольно высокий прижизненный социальный статус покойной. В целом, имеются основания для заключения о принадлежности ее к привилегирован-

ной группе кочевников жужанского времени. Отметим, что в составе некрополя Чобурак-I курган №32а располагался в непосредственной близости с объектом №34, в котором была похоронена женщина 30–35 лет, судя по неординарному сопроводительному инвентарю являвшаяся представительницей местной элиты населения булан-кобинской культуры Северного Алтая второй половины IV в. н.э.

Заключение

Анализ материалов, полученных в ходе раскопок погребения женщины из кургана №32а некрополя Чобурак-I, позволяет установить датировку данного объекта в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения Алтая. Зафиксированные особенности ингумации с верховым конем демонстрируют принадлежность данного захоронения к дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры. Обнаруженная серия изделий сопроводительного инвентаря имеет значительное количество аналогий в погребальных памятниках Алтая эпохи Великого переселения народов, а также содержит редкие типы украшений, снаряжения верхового коня и орудий труда (серьги с основанием в виде цилиндрической спирали, большая нашивная пластина на головной убор, пряслице с солярным орнаментом, роговые седельные канты и подпружная пряжка с сохранившимся подвижным язычком). Судя по составу предметов, женщина, похороненная в кургане №32а, обладала достаточно высоким социальным статусом в рамках локального коллектива булан-кобинской культуры, оставившего могильник Чобурак-I. Исторические судьбы данной группы населения, по-видимому, были связаны с Жужанским каганатом. Публикуемые данные уточняют сложившиеся представления об общих и особенных элементах материальной и духовной культуры кочевников Северного Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья и дополняют корпус источников для проведения археологических реконструкций. Полученные результаты демонстрируют актуальность продолжения исследований, направленных на изучение социального статуса женщин в обществах кочевников Северной и Центральной Азии различных хронологических периодов.

ЛИТЕРАТУРА

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Астраханская губерния. Т. V, часть 5. СПб: типография Департамента Генерального Штаба, 1852. 219 с.

Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М.: МГУ, 1982. 216 с.

Гусарова Е.В. «Астраханские» материалы из картографического собрания РО БАН // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки РАН / Ред. Л.В. Мошкова. СПб.: БАН, 2005. С. 35–63.

Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. 492 с.

Зеленев Ю.А., Пигарёв Е.М. Селитренное городище: археологические исследования на бугре Больничном в 2014–2016 годах / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 13. Йошкар-Ола: МарГУ, 2021. 156 с.

Кадрова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ российского государства в XVII в. (на примере мордовского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы Теории и практики. 2012. №1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 74–76.

Пигарёв Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2004 году (Больничный бугор). Астрахань, 2005 // Архив АГОИИМЗ, б/н.

Пигарёв Е.М. Нижнее Поволжье на постордынском пространстве (постановка проблемы) // Форум «Идель–Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. Казань. 2009. С. 202–207.

Пигарёв Е.М. Материалы раскопа XLVII на бугре «Больничный» Селитренного городища (2014–2016 гг.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 306–329.

Пигарёв Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. 244 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. II. Астраханская губерния. Санкт-Петербург, 1861. 130 с.

Труды Астраханского Губернского Статистического Комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. 182 с.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Astrahanskaya guberniya. 1852. (*Military statistical review of the Russian Empire. Astrakhan Governorate*) Vol. V, part 5. St. Petersburg: Printing House of the Department of the General Staff (in Russian).

Golikova, N. B. 1982. *Ocherki po istorii gorodov Rossii kontsa XVII – nachala XVIII v. (Essays on the History of Cities in Russia, Late 17th – Early 18th Centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Gusarova E.V. 2005. «*Astrahanskije*» *materialy iz kartograficheskogo sobraniya RO BAN ("Astrakhan" materials from the cartographic collection of the Manuscript Department of the Library RAS)* Series: *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisej Biblioteki RAN (Materials and reports on the funds of the Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences)*. Saint Petersburg: BAN, 35–63 (in Russian).

Gusarova E.V. 2009. *Astrahanskienahodki: Istoriya, arhitektura, gradostroitel'stvo Astrahani XVI–XVIII vv. po dokumentam iz sobranij Peterburga (Astrakhan finds: History, architecture, urban planning of the 16th - 18th centuries Astrakhan according to documents from the collections of St. Petersburg)*. Saint Petersburg: "Nestor-History" Publ. (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Pigarev, E. M. 2021. *Selitrennoe gorodishche: arheologicheskie issledovaniya na bugre Bol'nichnom v 2014 – 2016 godah (Selitrennoye settlement: archaeological studies on the Bolnichny hillock*

in 2014–2016). Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (Materials and research on the archeology of the Volga region) 13. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Kaderova, T. N. 2012. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauk, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i praktiki (Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Theory and practice)* 1 (15), Part II, 74–76 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Selitrennom gorodishhe Kharabalinskogo rayona Astrakhanskoy oblasti v 2004 godu (Bol'nichnyy bugor) (Report on the Archaeological Excavations in Selitrennoye Settlement of the Kharabalinsky District of the Astrakhan Region in 2004 (Bolnichny Bugor))*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).

Pigarev, E. M. 2009. In *Forum «Idel'–Altaj» Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Idel' – Altaj: istoki evraziyskoy tsivilizatsii» I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey. Kazan', 7-11 dekabrya 2009 g. Tezisy докладов (“Idel–Altai” Forum. Proceedings of the scientific and practical conference “Idel–Altai: origins of Eurasian civilization” of the 1st International congress of medieval archaeology of Eurasian Steppes. Kazan, December 7-11, 2009. Abstracts of papers)*. Kazan, 202–207 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2018. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 306–329 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriya issledovaniy (Selitrennoye settlement: the history of research)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (Materials and research on the archeology of the Volga region) 11. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

1861. *Spiski naseleennykh mest Rossijskoj imperii, sostavlennyye i izdavaemye central'nyim statisticheskim komitetom ministerstva vnutrennih del. II. Astrahanskaya guberniya. (Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. II. Astrakhan province)*. Saint Petersburg (in Russian).

1869. *Trudy Astrahanskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. (Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistical Committee)* Issue 1. Astrakhan: Provincial Printing House (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeny M. Candidate of Historical Sciences, Researcher at the A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.